

К рассвету снегопад наконец-то прекратился.

Когда Юн Линь встал рано утром, матушка Шу как раз наряжалась перед бронзовым зеркалом. Служанки причёсывали её волосы, как вдруг она заметила крадущегося из спальни Юн Линя.

— Куда это ты собрался? — спросила она, разозлённая чужой нетерпеливостью. — Юн Ци, Юн Ци! Юн Ци тебе важнее, чем матушка и брат-близнец? — Схватив глазурованный гребень[1], императрица внезапно швырнула его на пол.

Гнев госпожи заставил перепуганных служанок опуститься перед ней на колени. Пусть они и не были виноваты, но давно усвоили, что подобный жест может успокоить разгневанную женщину.

Хорошенько выспавшись, Юн Линь думал, что сумеет наконец-то встретиться с Юн Ци, как ему и было обещано, однако он, даже не сказав ни слова, сумел неожиданно рассердить матушку. Юн Линь ничего не понимал и, не пряча своего недоумения, поглядел на женщину.

— Матушка, — начал он, — что случилось? Разве не Вы вчера сказали, что сегодня разрешите мне встретиться с Юн Ци?

— А сейчас запрещаю. — Служанка подняла гребень и, стоя на коленях, подала его разгневанной госпоже. Женщина взяла вещицу и, поглядев из бронзового зеркала на стройный и высокий силуэт сына, с холодным выражением продолжила: — Куда ты поедешь? Во Дворец Наказаний? Там царит хаос и сам воздух пропитан трупным зловонием. Сыну императора там находиться на следует. И вместо того, чтобы оставаться во дворце своей матушки, ты мчишься в это ужасное место.

— Но Юн Ци мой старший брат...

— Юн Ци преступник! Твой отец издал указ, в котором сказал, что хочет провести расследование и наказать его. Ты-то хоть туда не лезь! — выпалила разозлённая матушка. Но, взглянув на недовольного Юн Линя, она побоялась навлекать на себя беду. Она вовремя опомнилась и сделала вид, что сдалась, тяжело вздыхая, как делают это матери, которые больше не могут влиять на своих детей, пытаясь вызвать у них чувство вины.

— Иди сюда, — сказала она, поманив к себе сына рукой.

Юн Линь повиновался.

— Юн Линь, пойми, твоя матушка не отпускает тебя, потому что на это есть причины. — Выпустив гребень, матушка взяла Юн Линя за руку и, подняв голову, поглядела на него. — Послушай меня: встретись с Юн Шанем и не посещай Дворец Наказаний. Так будет лучше. Пусть даже он не первый наследник престола, но он твой брат-близнец. Разве можно

сравнивать своего родного брата с Юн Ци?

— Нет, не в этом дело, — начал объяснять Юн Линь. — Мы не виделись с Юн Шанем, потому что вчера у него были важные дела. Когда он приехал, я уже спал, но даже если сейчас я останусь здесь, всё равно его не увижу. Лучше я поеду к Юн Ци, чем буду понапрасну терять время.

— Ты ещё и дерзишь?! — разгневалась снова женщина и, резко приблизившись к нему, вновь заговорила: — Членам королевской семьи запрещено переступить порог Дворца Наказаний, если на них нет никакой вины или у них нет разрешения от императора. Таковы правила наших предков. Ты что, хочешь стать преступником, нарушив этот закон? Юн Шань является наследным принцем, и многие люди хотят ему доставить кучу неприятностей, и ты тоже решил у него под ногами путаться?

Оказавшемуся в безвыходном положении Юн Линю пришлось присесть. Служанки тут же подали ему димсам. Юноша ел и не подавал виду, что душу его начинали терзать смутные сомнения.

Боясь дальнейшего скандала, императрица осталась во дворце, составив сыну компанию. У неё и Юн Линя не было тем, которые они не могли бы не обсудить. Они долго разговаривали, и вскоре юноша сказал, что его мучает жажда. Императрица приказала служанкам приготовить любимый чай Юн Линя — чай из цветков османтуса.

— Не хочу чай, — сказал Юн Линь, — пусть лучше подадут суп из доуфу [2].

— Скорее приготовьте суп и немедленно принесите сюда, — заговорила императрица, обращаясь к слугам.

Вскоре ему подали горячий суп. Юн Линь припал губами к чашечке и отпил больше половины, забавно сюрпя, что для человека его положения было просто непозволительно. Сидевшая неподалёку матушка улыбнулась.

— Неизвестно, насколько огромен твой желудок, раз в него вместились столько еды, — сказала она. — И манеры за столом у тебя несколько не изменились. Учись у Юн Шаня: принц должен быть хоть немножечко воспитанным и вести себя сдержанно.

Юн Линь лишь глупо засмеялся, но вскоре, зажимая руками живот, поднялся на ноги.

— Ох, ой-ой! — заохал юноша. — Живот болит! Матушка, я отойду по нужде.

Разве могла императрица купиться на очередной трюк? Она приказала нескольким дворцовым евнухам проследить за Его Высочеством.

— Не спускайте с принца глаз, — приказала женщина, — и не позволяйте Его Высочеству ускользнуть от вас.

Вспоминая, каким непослушным и озорным был её сын до отъезда, матушка Шу поняла, что вернувшийся спустя полгода принц нисколько не изменился, и она не знала, то ли злиться, то ли смеяться. На лице женщины заиграла улыбка, однако вскоре кто-то вошёл в комнату, чтобы о чём-то доложить, нарушая её гордое одиночество.

Как вскоре выяснилось, им оказался евнух по имени Цзун Юн, который обычно рассказывал императрице самые свежие новости.

Увидев его, женщина подозвала слугу к себе жестом и спросила:

— Что нового тебе удалось узнать?

Приблизившись к государыне, Цзун Юн тихо заговорил:

— Спешу доложить государыне-императрице, что по делу Фан Цзомина было принято окончательное решение.

— И какое же?

— Его оштрафовали на двадцать две тысячи серебра и конфисковали его землю в триста акров на краю столицы.

— А что насчёт самого Фан Цзомина?

— Его отослали обратно домой.

— Отослали обратно домой?! Разве он не сидел в камере приговорённых к смерти? — с изумлением выпалила императрица и, нахмутив изящные брови, задумчиво спросила: — Кто выдвинул такое решение?

— Наследник престола, государыня-императрица.

Стараясь не показывать своего удивления, она холодно произнесла:

— Чушь какая! Пойди и проверь снова.

Как только Цзун Юн покинул комнату, императрица Шу подозвала к себе служанку, которой больше всех доверяла. Как только девушка оказалась возле своей госпожи, женщина

приказала ей отправиться во дворец наследного принца.

— Тебе не обязательно заходить туда: просто выясни, с кем вчера встречался наследный принц, и о чём они разговаривали.

Матушка отослала служанку, и тут внезапно со стороны внешнего коридора раздался шум. Почувствовав что-то неладное, женщина подошла к двери и резко спросила:

— Что случилось? Не кричите, это грубое нарушение правил приличия!

— Матушка-государыня! — воскликнули вопреки её возмущению несколько придворных евнухов, которых она отправила присмотреть за Юн Линем. Выбежав к своей госпоже, они с избитыми лицами упали на колени и запричитали, кланяясь до земли и громко рыдая:

— Его Высочество Юн Линь внезапно начал драться.

— Где он?

— Его Высочество изучал боевые искусства, разве Ваши слуги могли выиграть в борьбе с ним?

Императрица сделала шаг вперёд и, встав над одним из коленопреклонённых евнухов, безжалостно пнула его, не пожалев чужой головы.

— Я тебя спрашиваю ещё раз: где он? — сдвинув брови к переносице, процедила женщина. — Отвечай!

— Сбежал, госпожа... Ваши слуги не смогли его остановить. Это было не в наших силах! Стража тоже не стала преграждать ему путь, боялась ранить Его Высочество...

Не дожидаясь, когда слуга закончит своё предложение, женщина зло зашипела:

— Как такое возможно? Во дворце собственной матери он осмелился распускать руки! Стража, сейчас же отправляйтесь во Дворец Наказаний, заберите оттуда Юн Линя и приведите его ко мне. Если он будет сопротивляться, я приказываю вам схватить его, и не бойтесь его ранить!

Повинуясь её приказу, охрана поспешно отправилась во Дворец Наказаний.

Тем временем Юн Ци стоял в углу своей камеры, в единственном месте, которое давало ему хотя бы мнимую защиту. Прекрасное лицо побелело, а бледные пальцы изо всех сил скребли по стене, словно желая расцарапать её, чтобы вырваться на свободу и сбежать.

Лишь один холодный, как клинок, взгляд Юн Шаня сразу же дал понять, что Юн Ци в ловушке.

— Когда ты это написал? — спросил Юн Шань, швырнув что-то на стол. Юноша говорил спокойно, ровно, но, несмотря на это, в его словах чувствовался холод, пробирающий до костей.

Юн Шань неторопливо подошёл ближе и раскрыл брошенный на стол свёрток.

На столе была расстелена расшитая золотом тонкая зелёная скатерть, которую Юн Шань специально принёс с собой. И теперь на ней лежала белоснежная шёлковая ткань с начертанными на ней чёрными иероглифами.

— Откуда ты взял шёлк, тушь и кисти? — принялся спрашивать Юн Шань. — Кто передал их тебе? Кто-то из здешних чиновников или кто-то посторонний? Сколько писем ты написал? Для кого ты их писал?

Юн Ци, всё это время жавшийся в углу, продолжал хранить молчание, которое в конечном счёте только сильнее разгневало Юн Шаня.

— Говори! — Схватив за тонкие плечи старшего брата, Юн Шань грубо вытащил его из его маленького укрытия. Ударив в грудь и так едва стоявшего на ногах юношу, Юн Шань вновь безжалостно припечатал его к стене.

— Находясь во Дворце Наказаний, незаконно пишешь кому-то письма. Если ты раньше был невиновен, то теперь ты виновен! Тебе что, жить надоело? — кричал младший брат, не помня себя от ярости.

Юн Ци лишь отвернулся, но Юн Шань не собирался этого так оставлять. Схватив брата за подбородок, он вновь повернул его голову к себе, заставляя несчастного взглянуть в свои холодные глаза.

— Когда ты это написал?

Юн Ци опустил взгляд, и Юн Шань на мгновение уловил в них возмутительную насмешку. Неужели первый принц показывает характер, который всегда был скрыт от посторонних глаз? Сжав острый подбородок брата пальцами, Юн Шань грубо запрокинул его голову чуть вверх.

— Говори. — Юн Шань снисходительно поглядел на него, какое-то время храня молчание, и внезапно его тон стал ниже и теплее, будто его гнев куда-то пропал. Юноша подумал применить более действенный метод и, вздохнув сердито, решил дать своему брату небольшой совет: — Если ты не скажешь мне, мне придётся применить силу.

Опрокинутое в тот же миг на кровать тело съёжилось, однако Юн Шань совершенно ясно

заметил, как Юн Ци впился зубами в нижнюю губу, сильнее прикусывая её. Он Злится? Ему обидно? Почему ты не хочешь говорить, Юн Ци, несчастный принц...

— Не говори, но рано или поздно я всё равно это выясню. Здесь есть несколько человек, которые могли передать тебе все эти вещи, — шёпотом пояснил Юн Шань. — И допросить каждого мне не составит труда.

Он развернулся и подошёл к краю стола.

Юн Ци услышал, как за спиной Юн Шань открыл один из ящиков. Вслед за этим он уловил лёгкий звук, похожий на металлический звон. И юноша повернул голову.

Юн Шань уже зажёл большую восковую свечу, держа в руке длинную рукоятку бронзового жезла с изогнутой инкрустацией. Он поднёс её к огню свечи и стал раз за разом нагревать орудие пыток. Похоже, почувствовав, что Юн Ци наблюдает за ним, Юн Шань поднял свой взгляд и посмотрел на брата, приподнимая уголки губ и обнажая в странной улыбке белые зубы.

Юн Ци резко отвернулся и не стал больше смотреть в сторону Юн Шаня, вызывая лёгкий смех у младшего брата. Бронзовый жезл в дрожащем пламени свечи потихоньку стал накаляться, и даже Юн Шань, державший его за другой конец, что был обмотан несколькими слоями ткани, ощущал это нарастающее тепло, идущее от огня.

Клеймение — именно эту пытку всегда любили выбирать опытные мастера, когда допрашивали преступника.

Обернувшись, Юн Шань одарил холодным взглядом Юн Ци.

Тонкое тело свернулось беспомощным клубком на кровати, но, глядя на этот силуэт, можно было сразу понять, что каждый мускул его был напряжён, словно натянутая струна. Юн Ци готовился к худшему.

Юн Шань тихо усмехнулся, и, как следовало ожидать, Юн Ци, который так и не повернулся к брату, вздрогнул, услышав этот звук. Этот мышонок вслушивался в каждый шорох.

Юн Шань поглядел на жезл, который уже начал краснеть в пламени свечи. У Юн Ци очень нежная и тонкая кожа, и если оставить на ней клеймо, то неизвестно, как скоро заживет ожог. Возможно, он останется на нём на всю жизнь.

Глупый старший брат...

Юн Шань знал, что Юн Ци не повернётся, и холодные как лёд глаза младшего брата постепенно наполнились горьким теплом, а губы его тронула невеселая улыбка.

Глядя на запуганного старшего брата, Юн Шань чувствовал себя отвратительным, однако спустить ему всё с рук и не наказать его тоже было нельзя. Когда Юн Шань думал, что Юн Ци, находясь в таком строго охраняемом месте, уже в его полной власти, этот глупый старший брат умудрился у него под носом писать кому-то письма.

— Юн Ци, ты мне так ничего и не скажешь? — Держа в руках уже раскалённое докрасна орудие пыток, Юн Шань подошёл ближе к кровати.

Он перевернул несколько не сопротивляющегося Юн Ци, и тот взглянул на раскалённый жезл в руках младшего брата. Разумеется, взгляд первого принца был полон страха и негодования.

— Так ничего и не скажешь?

Юн Шань поднёс раскалённое клеймо к телу Юн Ци так близко, что можно было почувствовать тепло, исходившее от нагретой бронзы. Юн Шань с блеском в глазах смотрел на своего заключённого, ставшего едва ли не его личной игрушкой.

Юн Ци не шевельнулся.

Покорившись судьбе, он закрыл глаза, словно решил пожертвовать собой во благо государства. Юн Шань же не знал, плакать ему или смеяться. Разумеется, он не собирался действительно ставить клеймо на нежной коже робкого пленника, но припугнуть ему удалось так, будто он действительно собирался прижечь чужую кожу. Откуда в Юн Ци столько решимости? Он собирался безропотно принять столь ужасное наказание за свой поступок, и на лице его не дрогнул ни один мускул. Лишь взгляд выдавал его настоящее состояние.

Юн Шань знал, что его голос холоден как лёд, и с усмешкой произнес:

— Думаешь, я прибегну только к этой пытке? Во Дворце Наказаний есть множество других способов заставить говорить. Поговаривают, что ни одна наложница, попавшая сюда, не перенесла наказаний здешних чиновников. Это совсем не то, что прислуживать нашему отцу-императору: мужчины по очереди проникают в тех, с кем раньше проводил время правитель, используют, пока не извергнутся в лоно несчастной. Но, пожалуй, эти чиновники ещё не пробовали на вкус настоящего принца.

С каждым словом Юн Ци всё отчётливее ощущал паническую дрожь своего тела. Наконец, он открыл глаза.

— Говори, — приказал ему Юн Шань, ожидая, когда же Юн Ци покорится ему. Этот юноша не может сопротивляться так долго, не может.

Юн Ци всегда казалось, что страдания и печаль никогда его не коснутся, пока он не попал во Дворец Наказаний. С раннего детства он напоминал орхидею, способную умереть от холода,

поскольку воспитывался в тепличных условиях, и теперь он словно оказался на голых камнях, рискуя погибнуть в столь жестоких условиях.

Юн Шань изо всех сил старался показать, что взгляд брата никак не впечатлил его. Юноша холодно глядел на Юн Ци, словно был чем-то недоволен, тем самым давая понять, что несчастного заключённого сейчас проучат, и этот урок будет похож на настоящий ад. Юн Шань ждал. Он заметил, как тонкое тело брата снова слегка напряглось. Но все эти попытки и отчаянная борьба были тщетными.

— Юн Ци! — не сдержавшись, выкрикнул Юн Шань, давая понять, что сейчас он чертовски зол. Он опустил клеймо, но не выпустил его из рук, и закрыл глаза, желая унять свою ярость. Старший брат совершил преступление, и только наследный принц мог помочь ему, но пленник вдруг замолчал, словно желал получить наказание. Самые светлые порывы Юн Шаня обелить честь старшего брата были откинута прочь, как нечто ненужное.

Юн Шань открыл глаза и стиснул подбородок Юн Ци пальцами. Видимо, он не рассчитал силу, и потому его нежный старший брат вдруг дёрнулся и, желая уйти от прикосновения, натолкнулся на раскалённый жезл с резьбой, над которым Юн Шань так неосторожно утратил всякий надзор.

Юн Ци закричал, да так, что Юн Шаня пробила сильная дрожь.

Внезапно тело молодого пленника сковало от охватившей его адской боли. Он вдруг замахал руками, закричал, словно взбесившееся животное, и все его тело прошиб нездоровый пот. Юн Шань оторопело смотрел на эту картину, будто не в силах понять, что произошло, а когда пришел в себя, отшвырнул от себя нагретую бронзу, ощутив, как душа его похолодела от ужаса.

— Юн Ци! — воскликнул он. — Подними голову! Подними, дай взглянуть!

Юн Ци был готов растерзать его, и его слабые на первый взгляд руки обрели вдруг силу, которой наследный принц едва мог сопротивляться.

— Будь умницей, прекрати шуметь! — глядя с беспокойством на брата, сказал Юн Шань и приподнял лицо Юн Ци.

Нежная кожа на его шее побагровела и закровоточила.

— Я... я не специально... — залепетал вдруг перепугавшийся Юн Шань, — я... я не специально... я не хотел...

— Уйди! Отпусти меня! — Увидев, как рука тянется к нему, Юн Ци закричал ещё сильнее. Кажется, только теперь он в полной мере ощутил всю силу обжигающей боли на шее от

раскалённой бронзы. Оттолкнув от себя Юн Шаня, Юн Ци, не сдержавшись, снова потянулся к шее, чтобы накрыть ожог ладонью. В нём откуда-то появилась сила, чтобы заставить младшего брата на миг поразиться.

— Не трогай! — приказал ему Юн Шань, побоявшись, что прикосновение к открытому ожогу только усугубит положение. — Прекрати, Юн Ци, успокойся. — На этот раз ему было нелегко одолеть неожиданно обретшего силу брата. Юн Шань почувствовал, как по виску течёт холодный пот: он поднял голову и обвёл взглядом комнату, желая найти верёвку, которой можно было бы связать обезумевшего от боли Юн Ци. Он не хотел, не хотел причинять ему боль! Как он был неосторожен!

И, как назло, в этот момент неожиданно прозвучал до боли знакомый голос, который он не слышал так давно:

— Старший брат! Что ты делаешь?!

Дверь камеры резко распахнулась, и на пороге появился Юн Линь с широко распахнутыми от ужаса глазами. Осознание происходящего пришло к нему мгновенно, и он бросился к Юн Шаню, желая остановить его.

— Что ты делаешь? — вновь спросил Юн Линь, а после заметил алое пятно на шее несчастного пленника. — Что ты сделал с Юн Ци? Отпусти его немедленно!

— Проваливай! — зашипел Юн Шань, обернувшись на брата. Была бы его воля, он бы тотчас выкинул его вон, чтобы не путался под ногами, однако более важной задачей сейчас было успокоить перепуганного Юн Ци.

[1] Глазурованный гребень — керамический гребень с особым стекловидным покрытием.

[2] Доуфу — суп из соевого творога.

<http://bllate.org/book/13372/1189547>